

По зеленоватой, широко разлитой и подернутой тополиной мутью речной глади плыли стайкой золоченых рыб узкие, сухие листья – предвестники близкой осени. Но погода стояла теплая, сухая, еще летняя, и вода в реке была что бабушкин компот, хоть и миновал давно Илья Пророк.

Накупавшись всласть, Варя и Маша распластались на застеленных истертым покрывалом мостках в тени плакучей ивы и лениво отмахивались от щекотных прикосновений низко-низко склоненных бахромчатых ветвей.

– Скучно, – не поднимая головы, протянула Варя.

– Да, – согласилась Маша.

До отъезда домой оставалась всего неделя, а дальше обычная суета перед новым учебным годом, и начнется... Подъем под раздражающее дребезжание будильника. Переругивания с мамой: «Ну ма-а-ам, так давно уже никто не ходит! Это ж прошлый век!» Еще больше поглупевшие за лето мальчишки из класса. Ворчание вечно всем недовольных учителей. А потом уроки, уроки, уроки. Средняя школа. Восьмой класс. Деваться некуда.

Вот бы прямо сейчас, в эту самую минуту произошло что-нибудь из ряда вон! Что-то такое, что примирило бы с надвигающейся осенней скукой. Что можно вспомнить промозглым, размытым от непрестанного дождя вечером и улыбнуться, порадоваться, загордиться – было, было, было!

Эта общая, невысказанная мысль витала в размоленном солнцем воздухе над двумя девичьими головками – темной, кудрявой, вечно взлохмаченной Вариной и русой, с покорными ласковыми локонами – Машинной. И обе девочки, блаженно зажмурив глаза, грезили – каждая о своем чуде.

Незаметно настал вечер. Река залилась румянцем, на поверхность ее легли косые тени от ив. Если бы не легкая рябь, казалось бы, что вода застыла, фиолетово-красная, как смородиновое желе. Таким же стоячим, с чуть заметным движением выдался последний месяц этого деревенского лета. Ни приставучих мальчишек, ни шумных с песнями и хохотом посиделок у костра на опушке леса, ни забегов в сумерках по полям в поисках молочных, скрипучих початков невызревшей еще кукурузы.

Все закадычные дружки-подружки разъехались да разбежались. Кто-то до срока вернулся в город отходить от деревенской вольницы. Кто-то остался, но за лето вытянулся, повзрослел и теперь вместо ребячьих игр крутил тихую, слюнявую любовь на задворках деревни. Кто-то, помогая родне, отчаянно корпел в огороде без права переписки.

Только Варя и Маша остались неприкаянные, предоставленные сами себе. И не с кем им было таскать карасей да ротанов из затянутого ряской пруда. Не с кем гонять наперегонки с горы на допотопных велосипедах. Не с кем гулко тарыхтеть по деревен-

ским колдобинам на «Муравье». Не с кем, не с кем, не с кем...

– Слышишь, гудит? – встрепенулась вдруг Варя.

Над темнеющей, в закатных пунцовых разводах водой разнеслось гудение, словно гигантский жук вот-вот должен выпорхнуть из-за поворота, за которым, извиваясь, скрывалась река.

– Точно, гудит.

– На моторке кто-то, – уверенно определила Варя. – Небось какой-нибудь богатенький буратино прикупил.

В последнее время на реке все чаще стали появляться диковинные судоходные средства. Хозяйничали загадочные *новье русские*, как презрительно называла их бабушка. У этих *новых* денег куры не клевали. Поэтому сперва они отстроили свои замки – коттеджи один другого богаче повыврастали по всей деревне: на поле, где раньше важно гуляли коровы, за прудом, на месте большого, шумного птичьего двора и у самого леса. А потом стали обживать реку самыми экстравагантными способами. То водный скутер просвистит, подняв столб брызг, то катер белый, огромный, которому и речка-то их мала, чинно проплывет.

– Эх, вот бы прокатиться... – мечтательно протянула Варя.

– Тебя им там только и не хватает для полного счастья.

Варя дерзко мотнула чернявой копной, запрыгали-затанцевали смоляные колечки.

– Меня, кого ж еще!

Гудение обернулось мощным, все нарастающим гулом, а к берегу от излучины побежали мелкие волны – последыши тех, что носом вспорола невидимая пока лодка.

– Вот сейчас, сейчас... – Варя напряженно всматривалась туда, где лес обступал стеной реку, скрывая ее от глаз.

Моторка должна была вот-вот появиться... И появилась.

Грязно-белая, надувная, с прицепленным к корме тяжелым мотором, она задрала тупой нос над речной гладью, распушила седой хвост из брызг. В лодке, заглушая шум захлебывающегося соляркой и непосильной ношей мотора, улюлюкали и гоготали трое загорелых парней.

– Буратины не богатенькие, зато аж три штуки – выбирай любого, – едко прокомментировала Маша.

– Да ну тебя, – беззлобно ответила Варя, собираясь опять улечься. Но вдруг подалась всем телом вперед. – Так это ж Степка!

Она тут же вскочила, точно оса ее укусила. Замахала руками, словно ту осу прогоняла, и завопила: – Степка! Степка!

Варю заметили, лодка сбавила ход, улюлюканье стихло. Что-то быстро обсудив между собой, парни поплыли к берегу. Степка среди них действительно был.

– Девчонки, айда с нами! – прогорланил он крепким басом, когда лодка подобралась к мосткам.

Варя тут же сиганула в воду и, уверенно загребая, поплыла. На полпути только опомнилась, обернулась: – Маруся, чего стоишь?! Прыгай давай! Уплывут же!

Маша робко переминалась на длинных, самую малость еще олененовых ногах, потом решилась, зажмурилась, зажала нос и соскочила солдатиком в темную, маслянистую реку.

Степка был им родней, если точнее – сколько-то там юродным братом. Про таких говорят *седьмая вода на киселе* и обычно ровным счетом ничего про них не знают. Девочки же, напротив, Степку знали отлично, как, впрочем, и то, что никакой он на самом деле не Степка, а очень даже Сашка.

Сашка Степнов (отсюда и погоняло) обретался в их же доме, только на соседней терраске, где раньше жила дедушкина сестра. Баба Лиза, так ее звали, женщина была суровая и внучка не жаловала. Степка с ней уживался плохо и чуть что срывался к деревенским приятелям, у которых, бывало, дневал и ночевал – только бы бабка отвязалась, не лезла со своими грядками и нравочениями. Но баба Лиза два года как померла, и Степка поселился в доме совсем. Только вот этим летом его было не видать.

Слухи про то ходили разные. Одни делали большие глаза и зловещим шепотом сообщали: «Сашка-то ваш бандитом заделался. Точно-точно, и в газетах писали. Он со своими головорезами ларьки в столице грабит, а потом сжигает, чтобы следы замести!» Другие со знанием дела говорили: «Добегался Сашка. Все. Весной еще упекли да двушку впаяли». Катька, прошлогонняя Степкина подруга, лениво растягивая слова, со знанием дела сообщала всякому желающему просто и понятно: «Да забуха-а-ал Степка-а, к гадалке не ходи. В Селки поеха-ал да и забуха-а-ал». Селки были соседней деревней – место не хуже прочих, где Сашка, он же Степка, мог как быть, так и не быть.

Вообще, зная Степку, можно было поверить во все что угодно. Бедовый был больно. Угадывалось это и по внешности: смуглый, высокий, мышца играет, а глазищи как у цыгана – чернющие, опасные. Варю это нисколько не смущало, и держалась она с ним

совершенно запанибрата. А вот Маша побаивалась и сторонилась. Теперь же, очутившись в лодке, с опаской поглядывала на его дружков, которых он тем временем представлял:

– Прошу любить и жаловать, Серега, он же Серый. И Макс. А это сестренки мои любимые, Варька и Маня. Я за них любому глотку перегрызу, поняли! – Степка грозно зыркнул на приятелей. Но тут же рассмеялся, мол, это я так, на всякий пожарный.

Машу его заверения не успокоили. Она все пыталась понять, похожи ли Серый с Максом на бандитов, способных ограбить и поджечь ларек. Серый вроде не похож – загорелое, худое лицо с прямой, выгоревшей до соломенного цвета челкой, наискось падавшей на лоб до самых глаз, по-девичьи выразительных, незабудковых. Как ни старалась, Маша не могла представить, чтобы эти глаза, в которых сейчас плескались-резвились золотистые пятнышки, могли смотреть на кого-то с жестокостью и злобой.

Макс – другое дело. Он был похож на Степку, только выше и смуглее. Черты лица у него были тоньше, правильнее, но темные глаза сверкали опасно, как у ночного зверя. Маша съежилась, ей захотелось стать маленькой, незаметной. Захотелось не быть. Макс тоже улыбался красивыми, чуть полными губами, но улыбка эта словно бы была сама по себе и от того казалась зловещей. Этот точно бандит. Маша решила, что Серый ей нравится, а Макс совсем нет. Поэтому она села подальше, насколько позволяла теснота лодки, и старательно делала вид, что его не замечает, хотя постоянно чувствовала на себе цепкий и колючий взгляд.

Поплыли.

Варя была в своей стихии – громко смеялась, болтала без умолку. Они плыли каких-то пять минут, а она уже все обо всех знала. Оказалось, что ребята напрямик из Селков приплыли – с местом Катька не ошиблась. Только они там не бухали, вернее, бухали, конечно, но не только – в основном работали. Одному толстосуму срочно понадобилась дача – ее и строили.

– Такая дурища получилась, мама не горюй. Три этажа, чердак, а в подвале бассейн – не лужа какая-нибудь, а настоящий – чуть не сдохли, пока плитку ложили, – вдохновенно вещал Степка.

– Ага, а комнат-то сколько – настоящий, мать его, лабиринт, – подхватил Серый. – Я даже переживать за мужика начал – никак заблудится в своей же хате да и помрет с голодухи.

Степка с сомнением покачал головой.

– Хрен два такой хиртрест с голодухи откинется!

Маша сидела молча и слушала беседу вполуха. Ей сразу стало ясно, что Серому нравится Варя, обычно дело. Она вон какая разговорчивая, и ямочки на щеках играют, когда улыбается. От нее всегда все мальчишки без ума. Все, кроме этого странного Макса. Варя по своей природной любознательности спросила его, почему у остальных кликухи есть, а у него нет, а он глянул на нее как на пустое место своими черными глазами и процедил:

– Кликуха – то есть, да не про твою честь.

Сказал как отрезал, не улыбнулся даже, хотел, чтоб отстала. Да и черт с ним.

Маша смотрела, как проплывают мимо берега, поросшие осокой, склоненные к воде гибкие стволы ив, как разбегаются по темной воде кругами волны от носа лодки, как качаются на этих волнах разляпистые листья кувшинок и как с них – пляц-пляц – шлепаются в воду потревоженные лягушки.

Все кругом было окутано легкой сиреновой дымкой, предвещавшей близкие сумерки. Воздух, еще храня солнечное тепло, уже наполнялся ночной прохладой. Маша жалела, что увязалась за Варей, и ежилась от холода. Кожа покрылась противными гусиными крапинками – все вещи, увы, были неосмотрительно оставлены на купальне. Вдруг ей на плечи легло что-то плотное и шершавое. Оказалось, что Макс быстро и незаметно переместился со своего места и теперь сидел рядом, опираясь на ее плечо рукав невесть откуда взявшейся рубахи.

– Вот, держи. Да не трясись ты, тихоня! – скомандовал он.

– Сп-спасибо, – пробормотала Маша, стараясь не смотреть на своего спасителя.

– О, так ты не нема! – присвистнул Серый. – А я-то думал, ты это, ну, того... Хотя Макс, коли захочет, и немую растормошит.

Маша почувствовала себя спичкой, щекам сделалось горячо. Но тут Серый внезапно умолк, ступившись под тяжелым, не обещавшим ничего хорошего взглядом Макса.

– Ну ладно, так что я там говорил... – обратился он к Вале. И они снова принялись болтать.

Только иногда Варя нет-нет да и поглядывала удивленно на притихшую сестру. Маша же ничего не замечала. Она сидела очень прямо, вся – один сплошной нерв, который, точно гитарную струну, наматывало на невидимые колки. Туго, до предела – ни поерзать, ни скосбочиться. Всем телом ощущалось приятное тепло, даже жар, и рубашка была здесь совсем ни при чем. Просто Макс сидел теперь так близко. Слишком близко.

– Долго еще плыть? – поинтересовалась Варя.

– Дык все, считай, приплыли, – ответил Степка.

Обгнув обрывистый выступ берега, он подвел лодку к деревянным, кособоким сваям и проворно пришвартовался. Пока остальные выбирались из лодки, Степка пошарил под сиденьями и выудил оттуда целлофановый куль, в котором что-то красноречиво булькнуло.

Расположились на самом обрыве. Толстые, выпирающие из земли корни гигантской ветлы, возвышавшейся над обрывом и рекой, оказались весьма удобными посадочными местами.

– Ну что, девочки-мальчики, хлопнем по маленькой – и айда с тарзанки прыгать!

С радостным возбуждением Степка раскладывал на заботливо расстеленной газетке свои немудреные припасы, один за другим доставая их из кулька. Сперва появились пластиковые стаканчики, следом – уже початая бутылка дешевого портвейна, полбуханки ржаного хлеба и, наконец, три соленых огурца.

– Умм, огурчики-то какие! Блеск! Мамка Серого солила, уж она умеет.

Шелкнув перочинным ножиком, Степка ловко, хоть и криво настрогал хлеб и огурцы на закуску. Разливая по стаканам портвейн, вопросительно взглянул на девочек:

– Дамы, пить будем?

– Разве что немножко, – опасливо кивнула Варя. – Для храбрости.

Маша отказалась, хотя ей-то как раз выпить бы не помешало – с храбростью в данный момент у нее дела обстояли плохо. С ужасом она смотрела на раскачивающийся над обрывом канат, один конец которого терялся где-то высоко в ветвях дерева, к другому хитроумным узлом была прикручена металлическая перекладина. Тарзанка напоминала ту, которую в саду смастерил для них дедушка, но крутой, высокий обрыв и темная бездна реки за ним делали ее несоизмеримо более опасной.

– Посторонись, тихоня. – Маша не заметила, как к ней подошел Макс. Его черные глаза блестели, как агатовые, – Маша приписала этот эффект действию портвейна.

Макс поднял с земли длинную рогатину, с помощью нее подтянул к себе перекладину тарзанки. Крепко ухватившись жилистыми руками за концы по обе стороны от громоздкого узла, он сделал несколько шагов от обрыва. Канат натянулся, жалобным скрипом отозвалась крона ветлы. И Макс побежал.

Через секунду он уже парил над рекой, удерживая вес вытянувшегося в струну тела одной силой прямых, словно спаянных с перекладиной рук. В тот момент, когда тарзанка на мгновение застыла

в предельном положении, чтобы затем дать обратный ход, Макс выпустил перекладину и стремительно вошел в воду, скрывшись из виду. Маша любовалась каждым моментом этого действия, испытывая одновременно восторг, ужас и восхищение. Морок спал только, когда Макс снова вынырнул на поверхность, отфыркиваясь и отплевываясь.

– Ну что, Маня, ты следующая. – Степка, очутившийся рядом, подтолкнул Машу к обрыву и вручил ей перекладину, еще сохранявшую тепло рук Макса.

– Держись только крепче и не отпускай раньше времени, – напутствовал он.

Маша хотела отказаться, но все происходило так быстро, что ей ничего другого не оставалось, как вцепиться в железяку так, будто от этого зависела вся жизнь. На ватных ногах она попятилась назад, как это делал Макс, потом неуверенно побежала: раз, два, три...

Маша полетела.

Ветер верещал прямо в уши. Ноги били по воздуху, продолжая бежать, но не находя опоры. Мышцы рук напряглись до предела. Пальцы заскользили по металлу, готовые разжаться в любой момент. Маша хотела закричать, но не смогла.

– Отпускай! Отпускай! – неслось с берега.

И Маша отпустила. Головокружительное свободное падение оборвалось внезапно – теплая, непривычно жесткая вода впилась в Машу миллионом пузырьков и, сомкнувшись над головой, потянула вниз. Однако через секунду Маша вынырнула – довольная, улыбающаяся, глаза блестят – и это без всякого портвейна.

Темнело, но ребята, разгоряченные алкоголем и адреналином, забыли о времени. Снова и снова они отрывались от земли, взмывали над подернувшейся туманом рекой, со свистом рассекали вечерний воздух и с отчаянным всплеском скрывались в толще воды, чтобы тут же вынырнуть, быстро подплыть к темному берегу, оскальзываясь на его глинистых боках, вскарабкаться на вершину обрыва и начать все сначала.

Когда очередь доходила до девчонок и те с визгом, молотя в полете ногами, неслись над рекой, парни делали передышку, торопливо и жадно заглатывая мутно-красную терпкую жидкость из пластиковых стаканчиков. Вскоре бутылка опустела, и Степка, бывший на разливе, метко зашвырнул ее в ближайšie же кусты. Бутылка только обиженно звякнула.

– Макс, давай рыбку! – заорал Степка. Его захмелевшая душа требовала веселья. – Девки, смотрите, че ща будет!

– Рыбку так рыбку, – равнодушно протянул Макс и вальяжной походкой направился к тарзанке. Около Маши задержался буквально на мгновение. Ее обдало проспиртованным жаром его дыхания, когда он прошептал: – Смотри хорошенько, тихоня. Как заправский спортсмен подходит к турнику, так Макс подошел к краю обрыва – в кажущейся ослабленности чувствовалась собранность и готовность. Резко схватив перекладину, он потянул ее на себя, сделал несколько шагов назад, в этот раз так натянув канат, что замершие зрители услышали треск рвущихся ниток. Разбежался и прыгнул.

Прыгнул, но не повис как обычно на перекладине, а стал раскачиваться всем корпусом – вверх-вниз, вверх-вниз. Движение внутри движения. На излете, сделав усилие, Макс чуть подтянулся, точным, рассчитанным движением высоко перед собой вскинул прямые, плотно сомкнутые ноги и выпустил перекладину, подавшись при этом вперед. Тарзанка резко дернулась вверх, а Макс, ускользнув в последний момент от металлического обуха перекладины, стрелой полетел вниз.

Маша судорожно выдохнула. Последним, что ей и остальным удалось разглядеть с берега, были пятки – неестественно белые в сумерках, они мелькнули в водовороте брызг.

– Видали! Видали! – захлебывался Степка. – Как он так, а потом фигак, и вот эдак!

– Согласен, мастерски исполнил! – деловито подтвердил Серый.

– А ты так умеешь? – поинтересовалась Варя.

– Не, как-то сдуру попробовал – ну а че, думал, делов-то. Ну и сиганул. Да так и хренакнулся плашмя – причиндалы отбил, мама не горюй!

Машу проблемы Серого и его причиндалов волновали мало. Не отрываясь, она смотрела на реку, теперь уже спокойную, тихо струившуюся в сгущавшейся темноте. Сколько прошло времени – десять секунд? Двадцать? Минута? А Макса так и не было видно...

Произошедшее дальше Маша едва ли смогла бы кому-нибудь объяснить. Даже самой себе. Секунду назад она еще всматривалась в черноту убегающей вдаль реки, вставляя босыми ногами в береговую глину. А теперь вот неслась сломя голову к обрыву с единственным желанием – вернуть, отобрать у воды то, что та присвоила не по праву.

Но река не собиралась сдаваться без боя, и у нее был сообщник... Маше почудилось, что под ногами у нее заворочался кит – холодный, покатый и склизкий. А потом она свалилась в воду, распластавшись на миг по ее поверхности. Как будто

тысяча ежовых игл вонзилась в грудь, живот, бедра. Потерявшись от боли, Маша начала тонуть. Она то полностью уходила под воду, вырвавшись на мгновение из обманчиво нежных объятий, выныривала, жадно заглатывала ртом воздух, хватала его руками, но, оглушенная паникой, никак не могла удержаться на поверхности.

Вдруг чья-то рука с силой вытянула Машу из воды и, удерживая за затылок, не отпускала, давая время опомниться, прийти в себя. Откашлявшись, Маша обернулась. Ее спасителем оказался Макс.

– Совсем сдурела! – заорал он. – Ты ж утонуть могла, дурища несчастная! Чего лыбишься?!

Маша действительно улыбалась, а из глаз, в упор смотревших на Макса, словно ощупывающих его, чтобы удостовериться – живой, – текли, смешиваясь с водой, соленые слезы.

– Я.. думала... хлюп... думала, ты... хлюп-хлюп...

– Так ты что, спасать меня собралась? – Вид у Макса был ошарашенный.

Маша робко кивнула.

– Вот же дуреха, – пробормотал Макс уже совсем не сердито.

Водное происшествие прошло незамеченным, если не считать, что сама того не желая, Маша положила начало новому развлечению. Степка, Варя и Серый теперь по ее примеру ныряли прямо с обрыва, оставив на время в покое тарзанку. Над рекой неслись их дикие крики и хохот.

Маше было не до веселья. Она сидела под деревом, снова закутавшись в рубашку Макса, и мелко дрожала. Заметив, что Маша никак не может согреться, сидевший рядом Макс обнял ее, прижал к себе – Маша не сопротивлялась. От движения полы рубашки разошлись, и Макс бросил вороватый взгляд на плоский Машин живот, на котором после удара о воду пунцовыми пятнами обозначилась карта неведомого континента. Осторожно, кончиками пальцев Макс прикоснулся к воспаленной коже – покоритель новых земель. Маша шумно выдохнула, точно легкие ее были воздушным шариком, из которого выпустили воздух. Макс вдохнул ее выдох и не остановился.

От каждого теплого, чуть шершавого касания у Маши внутри все переворачивалось, тянулось и дрожало, как сладкие нити обжигающе-густой клубничной карамели, томилось смутным, пока незнакомым желанием. Голова ее откинулась на плечо Макса, губы приоткрылись в ожидании, чего – она толком не знала. И Макс показал, просто и понятно. Поцелуй получился жарким, мокрым, тайным, хмельным, со сладко-пряным привкусом портвейна. И все

это было так важно и так не важно одновременно, потому что этот поцелуй был для Маши первым.

Дальше события развивались стремительно, но, увы, не в том направлении, о каком мечталось Маше. Неведомая сила оторвала Макса от нее и опрокинула его на землю. Затуманенным взглядом Маша наблюдала, как эта сила тяжелым, темным сгустком навалилась на Макса и злобно зашипела отчего-то Степкиным голосом.

– Какого хрена тебе надо! Паскуда! Сказал же – се-стер не трогать! Убью, сволочь! Получай! – Степкин кулак, взметнувшись, страшно опустился туда, где должно было находиться лицо Макса. – Нравится? Еще хочешь? На, гад! Получай!

Снова и снова этот кулак, потемневший от крови, продолжал обрушиваться на Макса. Маша вско-чила, заметалась – хотелось помочь, спасти Макса от буйной, подогреваемой алкоголем, а значит, неконтролируемой Степкиной агрессии, но как это сделать, она не знала.

Улучив момент, Маша вцепилась в Степкину руку, занесенную для очередного удара. Вцепилась что есть сил, с яростью вонзив ногти в смуглую, упругую кожу. И тут же жалким котенком отлетела в сторону, больно, до крови приложившись затылком о равнодушную ветлу. Но краткой передышки Макс ухватило, чтобы дать отпор обезумевшему Степке.

Маша, обмякшая, безвольная, точно набивная кукла, сонным взглядом наблюдала, как скручиваются в тугой клубок, извиваются и распадаются, чтобы сойтись вновь, тела Макса и Степы.

Поначалу Степка одерживал верх, но вскоре Макс подмял его под себя, оседлал, сжав коленями до хруста грудную клетку. Степка задыхался, отплевываясь густой, бурой кровью, но Макс не отпускал. Теперь уже его кулак то поднимался, то опускался страшно и неистово, превращая Степкино лицо в кровавое месиво.

Словно сквозь мокрую вату Маша слышала пыхтение дерущихся, потом чей-то визг, а напоследок уже как бы из другого мира суровый оклик:

– Креч, оставь его! Хватит! Убьешь ведь! Креч, мать твою!

И Маша отключилась.

Обратно плыли в кромешной темноте, притихшие и понурые. Степка в гордом одиночестве сидел на носу, отвернув разбитое лицо к реке. Кое-как примостившись между двумя сиденьями, на плече Серого дремала Варя. А сразу за ними Маша оказывала первую помощь Макс у. Наслынявив кончик его же рубашки, она аккуратно оттирала кровавую юшку

с распухших губ и крутого подбородка – выбитый нос Макс, с счастьем, успел вправить себе сам, пока Маша не видела.

Закончив, Маша робко поцеловала Макса в щеку, на которой проступал, наливаясь густо-лиловым цветом, огромный синяк.

– Какая смелая у меня девочка, – криво ухмыльнулся Макс, но в голосе чувствовалась нежность.

Маша улыбнулась – пусть всего на пять минут пока лодка не причалит к купальне, но ей нравилось быть *его девочкой*. Привычным уже движением Макс обхватил ее за плечи и притянул к себе.

– А что значит Креч?

– Да так, ерунда. Сокращенно от Кречет – погоняло у меня такое.

– Кречет? – задумчиво протянула Маша. – Это птица?

– Да. Сокол. Самый крупный.

– Тебя поэтому так называли?

– Да нет. – Макс улыбнулся. – Просто умею горланить похоже. Полезная штука, когда на стремя стоишь...

Он осекся, как будто хотел что-то еще сказать, но в это время лодка остановилась. Так и не поворачивая головы, Степка траурным голосом объявил:

– Приплыли, – и раздраженно добавил: – Эй, там!

Поживей! Вам в игрушки играть, а нам еще до Селков плыть.

Когда Варя и Маша, мокрые и продрогшие, очутились на мостках, лодка уже скрылась за поворотом, и только неся из темноты далекий, все затихавший гул ее мотора. Отыскав на ощупь одежду, девочки наспех оделись.

– Пойдем скорей! Ох, чую, достанется нам от бабушки по самое не балуйся! – затараторила Варя. – Ночка будет, мама не гор...

Так и не договорив, она испуганно умолкла – над темным лесом, над рекой, точно заиндевшей в молочном свете худенького месяца, который появился из-за курчавых верхушек, разнеслось грубое, с хрипотцой *къек-къек-къек*, а за ним протяжное *кеек-кеек-кеек*.

– Что это? – Голос у Вари дрожал, глаза блестели тем же инеем, что и река.

Озираясь по сторонам, она уже представляла себе, как из зарослей прибрежного камыша сейчас выскочит ужасное, плотоядное чудовище. Разъяренная бабушка с ремнем наперевес уже не казалась ей худшим из зол.

Маша же была на удивление спокойна. Вслушиваясь в повторяющийся, рвущий покрывало ночной тишины звук, она улыбнулась:

– Это кречет...